

О себе люблю рассказывать только лично знакомым и только в личном общении. А так, если в целом — я элемент среднего возраста, несуразной внешности и сомнительных характеристик. Стихи пишу удовольствия ради, когда распирает и не писать не получается. А ежели при этом они еще кому-то нравятся — тогда ура! Поэтом себя не считаю, мне ближе понятие «скальд». Псевдоним — ничего мрачного, шуточная студенческая кличка, которая так и не отцепилась. А вообще я весельчак.

Люблю слушать всяческую музыку и петь тоже люблю, люблю путешествовать, особенно на мотоцикле и по дальним странам. Люблю снимать странные видео и сниматься в них тоже! Увлекаюсь массажем, проволокой и котами. Играю на барабане и пою вторым вокалом в группе ZWYNTAR. В арсенале выпущенного мной чего-либо — две книжки стихов и несколько музыкальных клипов. Пишу на русском, иногда на украинском, изредка — на английском, периодически делаю стихотворные переводы. Любимое занятие — спать.

ФРЕНСИС

Френсису несколько лет за двадцать, он симпатичен и вечно пьян. Любит с иголки одеваться, жаждет уехать за океан. Френсис не знает ни в чем границы: девочки, покер и алкоголь... Френсис оказывается в больнице: недомоганье, одышка, боль. Доктор оценивает цвет кожи, меряет пульс на запястье руки, слушает легкие, сердце тоже, смотрит на ногти и на белки. Доктор вздыхает: «Какая жалость!». Френсису ясно, он не дурак, в общем, недолго ему осталось — там то ли сифилис, то ли рак. Месяца три, может, пять — не боле. Если на море — возможно, шесть. Скоро придется ему от боли что-нибудь вкалывать или есть. Френсис кивает, берет бумажку с мелко расписанною бедой. Доктор за дверью вздыхает тяжело — жаль пациента, такой молодой!

Вот и начало житейской драме. Лишь заплатив за визит врачу, Френсис с улыбкой приходит к маме: «Мама, я мир увидеть хочу. Лоск городской надоел мне слишком, мне бы в Камбоджу, Вьетнам, Непал... Мам, ты же помнишь, еще мальчишкой о путешествиях я мечтал».

Мама седая, вздохнув украдкой, смотрит на Френсиса сквозь лорнет: «Милый, конечно же, все в порядке, ну, поезжай, почему бы нет! Я ежедневно молиться буду, Френсис, сынок ненаглядный мой, не забывай мне писать оттуда и возвращайся скорей домой». Дав обещание старой маме письма писать много-много лет, Френсис берет саквояж с вещами и на корабль берет билет. Матушка пусть не узнает горя, думает Френсис, на борт взойдя.

Время уходит. Корабль в море, над головой пелена дождя. За океаном — навеки лето. Чтоб избежать суеты мирской, Френсис себе дом снимает где-то, где шум прибоя и бриз морской. Вот, вытирая виски от влаги, сев на веранде за стол-бюро, он достает чистый лист бумаги, также чернильницу и перо. Приступы боли скрутили снова. Ночью, видать, не заснет совсем. «Матушка, здравствуй. Жива? Здорова? Я как обычно — доволен всем».

Ночью от боли и впрямь не спится. Френсис, накинув халат, встает, снова пьет воду — и пишет письма, пишет на множество лет вперед. Про путешествия, горы, страны, встречи, разлуки и города, вкус молока, аромат шафрана... Просто и весело. Как всегда. Матушка, письма читая, плачет, слезы по белым текут листам: «Френсис, родной, мой любимый мальчик, как хорошо, что ты счастлив там». Он от инъекций давно зависим, адская боль — покидать постель. Но ежедневно — по десять писем, десять историй на пять недель. Почерк неровный — от боли жуткой: «Мама, прости, нас трясет в пути!». Письма заканчивать нужно шуткой: «Я здесь женился опять почти!»

На берегу океана волны ловят текущий с небес муссон. Френсису больше не будет больно, Френсис глядит свой последний сон, в саван укутан, обряжен в робу... Пахнет сандал за его спиной. Местный священник читает гробу тихо напутствие в мир иной. Смуглый слуга-азиат по средам, также по пятницам в два часа носит на почту конверты с бредом, сотни рассказов от мертвеца. А через год — никуда не деться, старость не радость, как говорят, мать умерла — прихватило сердце.

Годы идут. Много лет подряд письма плывут из-за океана, слово надежда еще жива.

В сумке несет почтальон исправно от никого никому слова.

***

Я в детстве так хотел быть настоящим
Бойцом Твоим. Пополнить славы зал.
Ты мне сказал: «Иди, ищи — обрящешь»,
Но вот куда идти — не показал.
И я пошел, куда глаза глядели,
вслепую, спотыкаясь, наугад,
И шел часы, и дни, потом недели,
дорогой храмов, и святынь, и гат.
Я видел дно — хотя, пожалуй, днище —
где так темно, что не растут цветы,
И там, среди оборванных и нищих,
увидел чудотворцев и святых.
И вот, хожу меж них и плачу, видишь,
ничтожный и испачканный в золе.
Я Твой забытый маленький подкидывш
на этой злой безжалостной земле.
Я каждый раз ступаю на дорогу —
и вижу там следы звериных лап.
О, Господи, скажи мне, ради Бога,
кто защитит меня? Я мал и слаб.
А я же должен быть Господень Воин,
весь белый и в блистающей броне.
Но погляди — я явно недостоин,
такая ноша просто не по мне.
Смотри, я жалок, ангелы, конечно,
со мной в строю стоять не захотят.
Они спасали души человечьи,
а я — когда-то парочку котят.

Они парят в Твоем небесном войске!
А я бомжу однажды хлеба дал.
И больше, вроде, подвигов героических
за мной никто, увы, не наблюдал.
Я воин электронного планшета,
герой сражений разве что в сети,
И Боже, если Ты читаешь это —
прости меня, пожалуйста, прости.
Я не хожу ни в церкви и ни в секты
и лишь надеюсь, что увидишь Ты:
Я, как могу, удерживаю сектор,
Вот этот свой ничтожно малый сектор,
От полного триумфа темноты.

2013

***

Когда сковырну я ненужную больше печать
С деливших пространство и время чугунных дверей,
Когда я уйду — интересно, я буду скучать
По снегу, летящему в свете ночных фонарей?
По давке метро, штукатурке облупленных стен,
По звуку журчания водопроводных систем,
По свойствам предметов, заполнивших мусорный бак,
По желтому взгляду больных и бездомных собак,
По детским садам, превращенным в публичный сортир,
По выбитым окнам забытых жильцами квартир?

Наверное, в мире, куда я однажды уйду,
Все будет так славно, что даже и думать не смей —
Без мата на стенах, заводов и «слава труду»,
А также без разных умы искушающих змей.
Конечно, там радость немедленно вступит в права,
Конечно, там вечный пломбир, чистота, красота.

Но здесь среди мусорных куч вырастает трава,
И здесь злые дети добреют, лаская кота.
Мать сына прощает, забыв про побои и крик.
Конечно, здесь воды отравлены, климат жесток,
Но здесь, умирая в больнице, несчастный старик
Найдет под подушкой оставленный кем-то цветок,
Убийца, услышавший музыку, станет рыдать,
Накормят врага, а замерзшего пустят к огню.

Мне хочется верить, что там, где течет благодать,
Я все-таки память про это в себе сохраню.
Там радостным дням, ну конечно, не будет числа,
Там можно забыться... Но я забывать не хочу.

Нет больше богатства, чем вера в добро среди зла.
И лишь в темноте даже малую ценишь свечу.

2009

***

Я ромом жег обветренные губы,
Я кутался в разорванный бушлат
И бормотал под нос:
— Ну, почему бы
Тебе не появиться?
Ты крылат,
бронёй не обделен, какого хрена
Мы без тебя на крепости одни
В грязи и безнадеге по колено
Последние мотаем наши дни?
Вам, ангелам, пора покинуть штабы,
Встать с нами на стене промеж миров.
Нам нужен серафим, и уж тогда бы
Мы бесам наваляли — будь здоров.
Но мы одни с Михалычем. Доколе?
Смотри, ему на пенсию пора.
А ты бы вострубил (ну, жалко, что ли?),
И мы б тогда в атаку на ура.
Вон, бесов рать под стенами, хвостата,
Рогата и когтиста.
Но с тобой
Мы быстро бы прогнали супостата
И выиграли последний смертный бой.
И все бы были в белом, ели сласти,
Вокруг бы воцарились гладь и тишь,
И всё это в твоей, крылатый, власти,
Но я-то знаю — ты не прилетишь.
Пришел Михалыч, закурил махорку:
— Оставь, солдат, пустую болтовню.
Держаться будем. Помнишь поговорку?
Иди поспи. А я тебя сменю.

Я верю, малый, что тебе обидно,
Но нам стоять, пока не померла.
Он встал на пост.
Из-под бушлата видно
Мне было грязных два его крыла.

2013

***

Мы — те, кто тысячи веков подряд
Земной оси вращает медный ворот,
И в каждом есть энергии заряд,
Чтоб освещать неделю целый город!
Мы — плоть и кровь, латунь и серебро.
Да, в нас — порок и недостатков масса.
Но также мы животные из мяса,
Умеем петь, прощать, творить добро,
Согреть других теплом сердец и рук...
Ведь свят не тот, кто молится усердно,
А те, кто несмотря на зло вокруг,
До края остаются милосердны.
Ты, кто читает — ты один из нас,
Святого сердца преданный спецназ,
Часть целого и сам — единый целый.
Кто видит мир не в оптике прицела,
Орла кто зорче и смелее льва
Кто в сердце носит главные слова:
«Будь благ. Не отвернись и не обидь».
Кто видит — путь страданием отмечен,
Кто знает, что наш век — недолговечен,
Но все-таки отважился
Любить.

2012

...И топали девки к ручью за пригорком по воду,
босыми ногами по травам шагали весело.
Валяясь во ржи, я думал — гудели оводы,
а это гудели за линией неба мессеры.
Наш попик церковный, рыдая, читал Евангелий.
Я рядом был.

Взрыв.

Нас отбросило аж за просеку.

Мои открывают глаза цвета хаки ангелы,
вручают мне связку гранат и святую мосинку.
«Служивый, служи! — повернули лицом к Лукавому.
— Туда и стреляй. О потерях — не беспокоиться!
Ты будешь весь в белом в конце и оваян славою,
такие, как ты, нужны нам в небесном воинстве.
Тебе мы дадим паёк и конягу верного,
не хочешь коня — бери танк. Мы оплатим хлопоты».
Что толку писать о днях и ночах inferного?
Горела земля, даже небо все было в копоти.
Вручили звезду, награждали меня наградами...
Не помню. А помню, как брел сапогами рваными
По мертвому полю, по лужам солярки-радуги
и фрица тащил на себе чуть живого, с ранами,
Ему говорил: «Нихт штербен, держись, пожалуйста.
Зашью тебя, этим назло!»
И сорвал звезду мою.

Пускай наверху они сами не знают жалости.
Но я-то не ангел,

и слава Христу, я думаю.